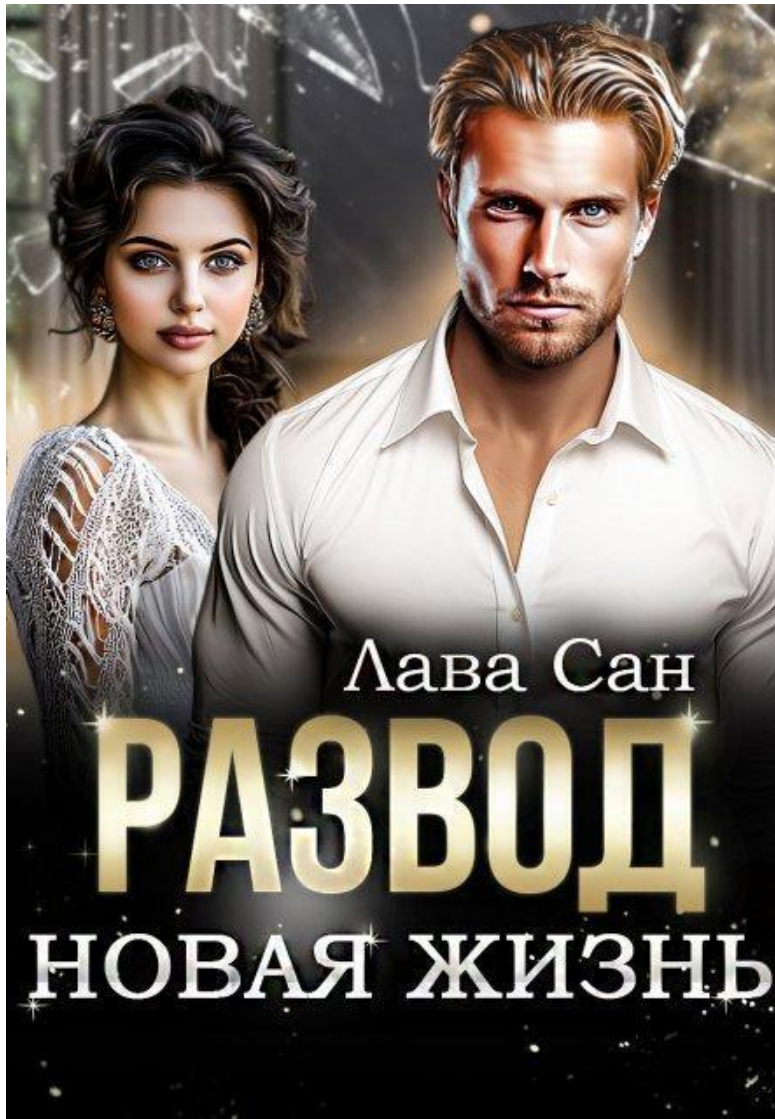

Лава Сан

РАЗВОД

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Лава Сан

Развод. Новая жизнь

<https://litres.ru/74212672>

Аннотация

♥#Эксклюзив♥#Я выросла в детском доме без любви и семейного тепла. Появление в моей жизни Димы все изменило: теперь у меня есть муж и мама! Так мне казалось... Не прошло и года, как они превратились в мучителя и свекровь. Убегая от разъяренного мужа, я попала в руки brutального незнакомца и решила, что спаслась. Но нет... Он объявил меня своей добычей!

♥#ХЭ обязательно♥#

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Визуализация персонажей	16
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1

Удар!

Еще удар! Теперь в живот... Как же больно...

Пощечина, что оглушает на несколько мгновений. Звон в голове и красная пелена перед глазами... Он меня убьет!

Он подходит ко мне и ловит железной хваткой за плечи, трясет, словно тряпичную куклу и орет, обдавая вонью коньячного перегара:

— Сука, ты, дрянь никчемная! Не смей разевать на меня свою поганую пасть. Тут я хозяин!

Он отталкивает меня, кривя когда-то любимое лицо гримасой отвращения.

Я делаю несколько шажков назад, но понимаю, что верхняя часть тела движется быстрее, чем ноги.

Сквозь звон в голове и боль от очередных ударов, пытаюсь собрать остатки координации и устоять на ногах. Не получается...

Взмахиваю руками, пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь: за стены, за мебель, за воздух. Но пальцы ловят только пустоту...

Босая стопа наступает на что-то острое. Я не чувствую боль от пореза, но это пока. Я падаю на спину и слышу смешок мужа:

— Корова кривоногая. Как же ты меня достала. Вставай!

Пытаюсь подняться на ноги. Если буду медлить, то будет хуже, он не терпит возражений. Собираюсь с силами, чтобы приподняться на локтях, потом можно перевернуться на живот, встать на колени, а там и на ноги.

Лишь бы не медлить... Нельзя.

Он нетерпеливо рычит:

— Хватит валяться. Сроч в доме развела и отдохнуть прилегла? Я тебя научу быть нормальной женой! У всех бабы как бабы, а мне ты досталась. Тварина убогая...

С трудом приподнимаюсь на локтях, бросаю взгляд на свою ногу и вижу, как от ступни растекается лужица крови... Чуть дальше лежит наша свадебная фотография в разбитой фоторамке. Это на нее я наступила и порезалась...

Начинаю переворачиваться на колени, чтобы подняться. По-другому не получится, сил не хватит. При этом шепчу как мантру:

— Димочка, я сейчас... Сейчас встану. Не злись, пожалуйста...

— Быстрее, сука, — рычит подвыпивший муж, — тварь медлительная...

Я уже стою на коленях и опираюсь на руки, еще немного и я встану. Но ему надоедает ждать. Он подходит. Боковым зрением вижу летящий мне в бок носок начищенного ботинка и успеваю лишь зажмуриться. Мне кажется, так менее больно...

Удар прилетает в нижнюю часть ребер и печень. С кри-

ком боли скрючиваюсь в скулящий от боли комок на полу. В правом боку словно взорвалась бомба с горячими шипами... На фоне общей боли это новая вспышка ада в моем теле.

— Дима, не надо, — скулю я, — остановись. Умоляю. Я сейчас, сейчас... Я встану.

Пытаюсь распрямиться, чтобы подняться, но боль в ребрах стреляет раскаленным копьем и заставляет меня снова свернуться в воющий от боли клубок возле стены. Кажется, я сегодня умру...

Муж в нетерпении. Ему противно смотреть на такую жену. Он презрительно сплевывает на пол и приближается:

— И долго ты тут собралась отдыхать? Сеня, я не потерплю твоих капризов, завязывай кочевряжиться, пока я тебя не прибил... А ну, бегом встала, тварь безродная!

Он подсакивает ко мне, замахивается ногой и больно бьет по задку. Больно и унизительно...

За первым следует второй пинок по мягкому месту, третий прилетает в копчик... Выгибаюсь назад, стараясь прикрыть спину. Теперь больно везде.

Четвертый удар приходится в почку.

— Сколько тебе нужно пенделей для скорости, детдомовка поганая, — рычит муж, — и на хера я тебя вообще из этой дыры привез.

На моем теле почти нет места, где я не чувствовала бы боли. Но ему мало.

Он хватает меня за волосы и разворачивает лицом в себе.

Я смотрю ему в глаза и шепчу:

— Димочка, не надо... Успокойся. Я сделаю все, что ты захочешь, не бей меня...

По моим щекам текут слезы. Он кровожадно скалится:

— Теперь я сам возьму, что захочу. Открывай рот.

— Я не могу, — скулю я, — меня стошнит.

— Тогда я тебе зубы выбью и засуну член в глотку так, как посчитаю нужным.

Он похотливо ржет и замахивается кулаком.

Напрягаюсь и, вырывая с корнями клочья волос, успеваю повернуть голову. Удар приходится вскользь. Нос — новая вспышка боли, второй удар приходится в глаз, чувствую, что мгновенно заплывает. Кричу от нестерпимой боли.

Одной рукой он продолжает держать меня за волосы, а второй наотмашь хлещет по лицу. Начинаю терять сознание, когда из коридора доносится знакомый голос:

— Дима, что тут происходит?!

Глава 2

Муж замирает с занесенной рукой, приготовленной для очередного удара... И приветливо машет гостье:

— Привет, мам. Да Сенька выбесила. Жизни ее учу. Чтобы мужа уважала. И ублажала. Совсем зажралась. Как за мой счет тут жить, так она жена, а как мужа приласкать, так она вся из себя культурная.

Он отпускает мои волосы, отшвыривая меня от себя:

— Сука, руки из-за тебя в крови испачкал... Проходи, мама. Можешь не разуваться. Сенька уберется, тогда можно будет. Иди на кухню. Там оладушки с вареньем к чаю. Один прок от этой, — он кивает на меня, дрожащую и окровавленную в углу, — жрать готовить умеет.

Свекровь презрительно смотрит на меня, поджав тонкие губы с сеточкой морщин вокруг них, а потом говорит, словно выплевывает слова:

— Говорила я тебе, сынок, на Валечке Евтюховой надо жениться. А ты эту бесприданницу из ее зажопинска приволок... На кой ляд она нам сдалась. Я же сразу тебе говорила: не кончится добром твоя семейная жизнь с нищей приживалкой. А ты: «Люблю, женюсь». Она даже забеременеть за весь год не смогла. Пустоцвет бесплодный... И страшная такая стала... Чего тут грязь развели?

Она ткнула пальцем в разбитый цветочный горшок посре-

ди комнаты, от которого муж растащил землю по всему полу и ковру, пока меня мутузил и валял по полу.

— Сенька совсем от рук отбилась. Лентяйка криворукая, — муж злобно покосился на меня, — пришел домой с работы, а тут грязь. Вот и решил ей мозги вправить, пока она совсем не расслабилась.

Свекровь брезгливо наморщила нос и носком ботинка немного развозюкала землю, что оказалась возле ее ног:

— Да уж, сынок, распустил ты жену. Возьмись за нее... Потом сядет тебе на шею, ножки свесит и начнет пятками по груди стучать: омаров на завтрак требовать и платья из дорогих бутиков. Пресекать надо такое поведение. Ладно, Димочка, ты тут заканчивай, а я чайник поставлю. Сенька-то поди, совсем хозяйство запустила. Свинья деревенская...

Свекровь вышла из гостиной и направилась на нашу кухню. Я отняла окровавленные руки от лица и испуганно смотрела на мужа одним глазом, второй окончательно заплыл гематомой. Сейчас он продолжит меня избивать... Мамошка дала ему благословение. Если что, и мой труп поможет спрятать, я же ей как кость в горле.

Неожиданно муж сменил гнев на милость:

— Хватит без дела валяться. Приберись тут. Скажи спасибо, что мама пришла, а то прибил бы тебя. Бревно фригидное... И умойся. Страшная стала, смотреть противно.

Он развернулся и направился вслед за своей мамашей на кухню. Как же я раньше его любила... Совсем не замечала

склонности к насилию, к садизму, к желанию причинять мне боль...

Я с трудом села, подобрав под себя ноги, и тихонько плакала. Из ступни по-прежнему тонкой струйкой текла кровь, нос был разбит, и домашняя футболка из бежевой спереди превращалась в красную. Ребра над печенью болели так, что я решила, Дима мне их сломал. Лицо грело, а распухшее веко вокруг правого глаза пульсировало раскаленной подушкой.

Месяц назад я уже пыталась сбежать, когда муж впервые меня ударил. Даже успела сесть в автобус до родного Вышехонска, но он догнал меня на машине и выволок на улицу, под молчаливое осуждение других пассажиров.

Муж знал, что у меня никого нет. Деваться мне некуда... Как же быстро кончилась его любовь...

Я начала подниматься на ноги. Нужно убрать землю и выбросить цветок... Все равно ствол сломался при падении. Совсем как я.

Сегодня Дима пришел домой с работы на час раньше. Он был пьян. Видимо, день рождения у кого-то из коллег отметили. Он был раздражен.

Я уже напекла гору оладий и собиралась ставить сковородку на плиту, чтобы жарить к ужину куриные голени, когда он вошел в квартиру и, не разуваясь, заглянул на кухню.

— Дима, сними ботинки, пожалуйста, — попросила я, — я только полы перемила.

— Не твое дело, как я хожу, — холодно бросил он и ушел в гостиную.

Я вздохнула и пошла за ним следом, мало ли какой каприз ему в голову взбредет.

Муж стоял возле окна, отодвинув штору. Он смотрел во двор. Я подошла и встала рядом. К своему подъезду шла Валя Евтюхова, дочка свекровкиной подруги и девица из соседнего дома по совместительству. Она вышагивала на высоких каблуках, короткая юбка едва прикрывала зад, а пышная грудь едва не вываливалась из топики. В пупке сверкала сережка.

Подозреваю, что Валя с большим нетерпением ждала первых майских жарких дней, чтобы пройтись через двор вот так, натянув на себя как можно меньше одежды.

Дима проводил ее взглядом, а потом глянул на меня, стоящую рядом в домашних шортах и футболке, босиком.

— Какая же ты серая моль, — буравя тяжелым взглядом, процедил он, — когда сосать начнешь?

Я отшатнулась. Это был больной вопрос... Природная брезгливость, рассказы подружек о минете в детском доме да плюс потрясающий рвотный рефлекс. Я все время отказывала, муж психовал...

Вот и в этот раз, он схватил горшок с цветком с подоконника и грохнул его об пол:

— Дура фригидная. Валька отлично отсасывает, а тебе мужа облажить в падлу?!

— Это она тебе сама рассказала? — съехидничала я, набравшись щенячьей смелости.

— Она сама мне сосала, — губы мужа растянула злобная ухмылка.

Я растерянно смотрела на него и не знала, что сказать. Он вот так запросто мне говорит, что у него другая женщина? Да, последние месяцы у нас не все гладко, он срывается... Злитя, пару раз поднимал на меня руку, но потом просил прощения...

Но такой откровенности и прямого признания в измене я не стерпела и крикнула:

— Вот и вали к своей Вальке. И грязь эту убери!

И тогда на меня посыпались удары. А в уши через боль вырывался крик мужа:

— Сука, ты, дрянь никчемная! Не смей разевать на меня свою поганую пасть. Тут я хозяин!..

Сейчас они вместе со свекровью сели пить чай на кухне. Они ели мои оладушки и что-то обсуждали. Маргарита Сергеевна ворчала, а Димка посмеивался.

Надо бежать. Хоть на улицу, хоть под мост, хоть под ближайшую машину на дороге. Еще одно такое побоище я не выдержу, не переживу...

С трудом поднявшись на ноги, я начала красться в прихожую. Кровь из ступни оставляла следы на полу. Меня пошатывало и немного тошнило. Кажется, это сотрясение. На обувной полке стояли мои летние белые мокасины. Я взяла

их в руку и добралась до входной двери.

Было страшно, что муж и свекровь услышат, как я щелкаю замком, но мне повезло. Маргарита Сергеевна, которую я после свадьбы с Димой стала называть мамой, оказалась так впечатлена избиением меня, что забыла замкнуть дверь, а только закрыла ее.

Я осторожно толкнула дверь и выскользнула на лестничную клетку.

Мы живем на третьем этаже пятиэтажного дома, лифта у нас нет. Но это ничего. Я найду в себе силы, я спущусь, я убегу из своего семейного ада.

Натянув мокасины на ноги, я начала осторожно спускаться, держась обеими руками за перила. Голова кружилась. Я боялась: как скатиться по лестнице, так свалиться в пространство между перилами, если ненароком навалюсь на них и перегнусь.

Добравшись до второго этажа, я услышала, что внизу хлопнула дверь и кто-то начал подниматься по лестнице. В этот момент сверху донеслось:

— Сука. Сбежала!

Муж выскочил из квартиры и рванул вниз по ступеням за мной.

Я собралась с усилиями и прибавила скорость, больше ковыляя на одной левой ноге. Неожиданно передо мной из ниоткуда выросла белая стена. Меня повело и врезалась в нее лицом. Стена оказалась теплой, а меня подхватили крепкие

руки и оторвали от нее.

Теряя сознание, я удивилась: на стене были пуговицы, и по ней расползалась клякса моей крови из носа. Руки, держащие меня, спросили:

— Девушка, что с вами? Пиздец! Кто так тебя?!

Я подняла уцелевший глаз и только сейчас поняла, что теплая белая стена с пуговицами — это грудь незнакомо-го мужчины-блондина, в которого я врезалась. Это он меня сейчас держал.

Сзади раздался злой голос мужа:

— Сенька, бегом домой. А ты, козел, убери руки от моей жены.

Блондин прислонил меня к стеночке и дружелюбно произнес, обращаясь к Димке:

— А ты ее заberi.

Муж сделал лишь шаг в направлении меня, когда мощный кулак блондина резко метнулся вперед и врезался прямо в лоб моего мучителя. Димка закатил глаза и начал оседать на бетонный пол подъезда.

— Так-то, — усмехнулся незнакомец и обернулся ко мне, — теперь ты — моя добыча.

Я попыталась замотать головой в знак несогласия, но от этого мне стало совсем плохо, свет в глазах начал меркнуть. Последнее, что я почувствовала, как меня подхватили крепкие руки незнакомца.

Дорогие друзья.

Рада приветствовать вас в своей новой книге.

Вы познакомитесь с милой и доброй героиней, которой не повезло в жизни, с ее «замечательной» семьей и крутым, brutальным блондином, встреча с которым изменит все.

Буду рада вашим звездочкам и комментам. Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропускать полезные уведомления: <https://litnet.com/ru/lava-san-u11226541>

Желаю вам хорошего дня, с уважением ваша Лава Сан)!

*
*

Визуализация персонажей

Стрижова Сентябрина Тимофеевна. Она же Сеня. 20 лет. Сирота, воспитанница детского дома. Молодая жена, которая не сразу распознала в любимом муже абьюзера и садиста.

Пыжов Дмитрий Викторович. Жестокий муж, который сначала притворялся любящим и нежным.

Галицкий Марк Андреевич. Бизнесмен. Мужчина серьезный, решительный...

Глава 3

Я открыла глаза и огляделась. Незнакомая комната с незнакомой мебелью, и я лежу в незнакомой, широкой двухспальной кровати. Один глаз не видит, а все тело болит. Не так чтобы сильно, но ощутимо.

Дышать больно, грудь надежно стянута повязкой. Похожа на спиральную... Я в больнице, что ли?

Поднимаю руку, чтобы осторожно ощупать лицо, и вижу прикрытый бинтом катетер в латеральной подкожной вене. Точно в больнице... Только в странной, какая-то домашняя обстановка, а не казенная. Тумбочки у кровати, бра над ними. Одежный шкаф в углу, а на полу виднеется ковер. И лекарствами не пахнет. Уж я-то их в больничных коридорах наноухалась.

Тихонько прикасаюсь к лицу, к векам, легонько ошупываю нос. Все распухшее и болит. Пытаюсь втянуть носом воздух, чтобы понять, сломан он у меня или нет... Вроде нормально, или вправили. Провожу языком по внутренней стороне зубов, проверяю их наличие... Щеки даже изнутри налиты гематомами, болят, Димка от души меня по ним отходил. И бил, и хлестал... Но зубы на месте. Это уже чудо.

В голове всплыли слова мужа: «Тогда я тебе зубы выбью и засуну член в глотку так, как посчитаю нужным».

Через полгода после свадьбы он начал неожиданно при-

нуждать меня к минуте, хотя до этого утверждал, что не сторонник оральных развлечений. К моей вагине губами тоже не лез. Все твердил, что у женщин там много опасных бактерий. Но я-то лучше знаю, у кого, кто и где водится... Из нас двоих я год проучилась в Вышехонском медучилище и почти все это время подрабатывала в районной больнице санитаркой... Вот только из-за нехватки персонала зачастую выполняла все обязанности медсестер. И училась хорошо, пока Дима не сделал мне предложение и не забрал в областной центр.

Лежать на мягкой кровати хорошо. И не страшно. Не знаю, где я сейчас нахожусь, но есть ощущение безопасности. От воспоминаний в голове сумбур: муж смотрит на Вальку во дворе, потом злится, а потом начинает меня избивать... И Маргарита Сергеевна — она меня невзлюбила с первого взгляда. Так и сказала: «Димочка, ты зачем эту бесприданницу в дом приволок, она же сразу забрюхатит и квартиру у тебя отберет. Знаю я этих сиротиночек». Старая карга...

Помню, что ногу порезала.

Осторожно высовываю стопу из-под одеяла и вижу аккуратную повязку. И засохшей крови нет. Это кто же меня так хорошо перебинтовал, да еще и отмыл? И судя по ощущениям, полагаю, что во мне блуждают обезболивающие, введенные через катетер. Без них я бы сейчас поскуливала от боли и толком дышать не могла. Я знаю, как чувствуют себя люди

с подобными травмами...

И все же, как я тут оказалась? Думай, голова, думай!
Думать больно. А еще мутит.

Так, если это блатная больница, то тут должна быть кнопка вызова персонала. Логично? Логично.

Я завозила, пытаюсь найти заветный пульт, но его нигде не было. Постель как постель. Ни проводов, ни мониторов с датчиками, приклеенных к телу, ни стоек для капельниц. Кажется, это все же дом, а не больница.

А чей дом?

А как я сюда попала?

А вдруг у меня частичная амнезия? Дима так сильно меня бил по голове и лицу, что неудивительно, если где-нибудь под сводом черепа образовалась небольшая субдуральная гематома, и я теперь начну тупить.

Начнем с самого начала: кто я?

— Стрижова Сентябрина Тимофеевна, четыре года. Принимайте.

Меня привезли из дома малютки в детский дом, чтобы передать на дальнейшее воспитание новому государственному учреждению. Это одно из первых моих воспоминаний.

Новая директриса посмотрела на меня и протянула:

— Это из птичника?

— Из него, — кивнула воспитательница, — хорошая девочка, послушная. Не капризничает.

— Все они такие, пока титьки расти не начинают, а как взрослое просыпается, так все... Спасу от них нет. Курят с десяти лет, а к пятнадцати уже проститутки.

Она наклонилась и ухватила меня за подбородок шершавыми пальцами. Их сухая кожа была царапучей, и мне хотелось отвернуться, чтобы эта тетенька с недовольным лицом меня не трогала.

Директриса начала разглядывать мою мордашку, словно изучала залетевшего в комнату жука под лупой, заглянула в уши, осмотрела мои ногти и напоследок вперилась в мои глазенки через диоптрии своих очков:

— Ох, глазищи у тебя, — недовольно фыркнула она, — точно малолетней проституткой станешь. Давайте сюда ее документы.

Воспитательница протянула папку с личным делом директрисе и погладила меня по голове:

— Сенечка хорошая. Вы ее не обижайте...

— Ой, да ладно вам, — отмахнулась злюка, — вы каждый год нам своих птенцов привозите: Воробьевых, Журавлевых, Галкиных, Синицыных, в том году вообще Кедровкина доставили. Горе, а не пацан... От вас все дети с птичьими фамилиями, а из соседнего района сплошной зверинец к нам волокут: Зайцевых, Волковых, Козловых, Медведевых. Не детдом получается, а зоопарк... А что за имя такое дурацкое, еще и отчество выдумали... Чья фантазия?

Молодая воспитательница робела перед этой злой тетень-

кой: она впервые перевозила детей из дома малютки во взрослое заведение. Думала, что везде с детьми-сиротами работают добрые люди, а тут такая гримза сидит.

Воспитательница ответила:

— Нам с такими данными ее из больницы привезли. Там в личном деле написано. Девочку первого сентября нашли. Новорожденная. Лежала под забором, возле очистных сооружений, в тряпье замотанная. Наверное, ее мать хотела выбросить, чтобы тельце вместе с нечистотами переработалось, да не знала, что там забор новый поставили. Охрана нашла... Вот врачи и назвали ее Сентябриной. А Тимофеевна... так, именины в этот день у Тимофея. Не жить же девочке без отчества...

— Ясно, — усмехнулась директриса, — фантазеры.

Она что-то записала в свой журнал и крикнула:

— Марья Петровна, зайдите!

Из коридора в кабинет протолклась упитанная нянечка, и получила указание:

— Отведите девочку в четвертую группу и покажите ей там все.

Меня схватили за руку и потащили прочь из кабинета.

Я заплакала, не хотела оставаться с этими незнакомыми людьми в незнакомом месте. Я начала вырывать свою ручонку из цепких пальцев нянечки и кричать:

— Отпусти! Я не хочу... Пусти. Мама за мной плидет. Она забелет меня...

Все дети в детском доме искренне верят, что их мама обязательно за ними придет. Придумывают для самих себя и таких же сирот сказки, что их похитили из семей и родители их ищут. И непременно найдут.

Сироты любят смотреть в окно. Ведь каждый незнакомый взрослый, входящий в ворота детдомовского двора, скорее всего, чей-то папа или мама, пришедший, наконец-то, забрать своего ребенка домой. В семью.

Я тоже была уверена, что меня просто потеряли. Так случается.

В доме малютки было хорошо. Добрые воспитатели и игрушек много. А по выходным нам к обеду давали шоколадные конфеты, очень вкусные. Там было безопасно, а еще у меня была своя кровать.

И вдруг мне сказали, что пора ехать в дом, где живут большие дети... А теперь одна тетка недовольно сказала, что я стану проституткой, а вторая тащит меня по коридору прочь от знакомой и привычной воспитательницы...

Я оглянулась. Она стояла и прижимала к глазам платок. Тоже плакала... Директриса высунулась в коридор и буркнула:

— Могли бы и удочерить девчонку, раз она вам так нравится.

— Мне нельзя, — всхлипнула воспитательница, — у меня мужа нет, а зарплата маленькая.

Толстая нянечка тащила меня в новую жизнь, понукая

шустрее перебирать ногами, а я поняла две важные вещи: я не хочу стать проституткой, потому что они не нравятся взрослым тетенькам, а еще, что мне нужен будет муж, чтобы брать себе потерянных детей.

Глава 4

В новой комнате жили еще шесть девочек чуть старше меня. Они доброжелательно отнеслись к моему вторжению в их жизнь и даже показали мне свои игрушки. Я достала из рюкзака своего любимого плюшевого енота с пушистым хвостом, которого привезла с собой...

К вечеру слезы мои высохли, а после ужина к нам зашли взрослые девочки. Им было лет по десять, а одной даже двенадцать. Цифра запредельная и непонятная. Я подумала, что скоро эта девочка станет совсем старой и покинет детский дом, и решила прояснить для себя директорскую загадку, пока есть такая возможность.

Я подергала ее за рукав и спросила:

— Аня, а кто такая пластитутка?

У меня тогда еще были трудности с буквой «р».

Взрослая девочка засмеялась:

— Рано тебе про такое думать. Это для взрослых.

— Я взлослая, — заверила ее я.

Теперь уже смеялись все большие девочки. Аня ткнула пальцем в мой рюкзачок и спросила:

— Сеня, у тебя деньги есть?

— Нету, — помотала я головой.

— А хочешь, чтобы были?

— Да! — радостно закивала я.

Внешний мир был мне мало знаком, но телевизор мы все же смотрели, и я знала, что за деньги можно купить конфеты в магазине. Много конфет! Тогда я буду их есть, сколько захочу, а еще поделюсь с девочками.

Взрослая Аня продолжила:

— Чтобы получить деньги, надо снять перед взрослым дядей трусы и показать ему писю.

Я недоверчиво глянула на новую приятельницу:

— Зачем ему моя пися?

— Взрослые мужики любят маленькие писи, — пожалала она плечами, — проститутки перед многими мужчинами трусы снимают, а еще мужчины их руками там трогают. И не только...

— Анька, хорош, — остановила разболтавшуюся подружку другая девочка, — рано ей еще такие подробности знать. Мелкая еще. Пойдем покурим, мне Сашка пару сигарет дал.

— Бесплатно? — удивленно приподняла бровь Аня.

— Пришлось его поцеловать, — скорчила мордашку вторая, — а он, урод, зубы последний раз в прошлом году чистил... Сенька, — внезапно обернулась она ко мне, — хочешь жвачку?

— Да, — прошептала я.

Это был царский подарок. В доме малютки нам не разрешали их жевать, чтобы мы их не проглатывали. Но телевизор-то мы смотрели, да и воспитатели «Диролами» и «Орбитами» грешили...

Девочка протянула мне ароматный кубик с нарисованным сердечком на обертке и предупредила:

— Только перед сном изо рта вытащи и на спинку кровати прилепи. А то во сне вывалится, и все волосы залепишь. Сразу налысо обреют.

Взрослые девочки ушли курить, а я поделилась жвачкой с остальными соседками по комнате. Раздербанили несчастный розовый квадратик на семь мелких клочков и довольные нажевывали.

Перед сном я ответственно вытащила безвкусный кусочек бледной жвачки изо рта и бережно прилепила к спинке кровати. Теперь это мое сокровище! Я эту несчастную жвачку потом три дня жевала...

А еще я решила, что, пожалуй, не буду становиться проституткой. Что-то не хотелось мне незнакомым дядям свою писю показывать.

Налысо меня все же обрили. Дважды. В шесть и в одиннадцать лет.

Тогда весь детдом завшивел, и только старшие девчонки позволили себе шампунь от вшей купить. У некоторых из них вообще были хорошие шампуни и вещи.

К восьми годам я прекрасно разбиралась в местной иерархии, знала, кто такие проститутки на самом деле, и откуда у некоторых девочек из старших классов хорошие вещи.

Есть детские дома, где руководство старается дать детям

все хорошее, на что хватает средств. А если их не хватает, то дарят внимание и заботу.

Тут все было не так.

Кормили? Да. Обеспечивали одеждой и обувью? Да. Давали школьное образование? Да. Следили за моральным обликом детей? Нет.

Росли, очень рано познавая реалии этого мира. То, что мы знали в первом классе о взаимоотношениях людей, домашним детям еще и не снилось. Да и недолюбливали мы этих домашних: ходят все из себя за забором, за ручки с мамами, смотрят на нас, как на прокаженных, тычут пальцами и брезгливо усмеваются:

— Энтики...

Так они обзывают интернатовских. Нас.

Мы в долгу не оставались, особенно мальчишки. Когда выпадала возможность, они сбегали через забор и шли колотить домашних зажавшихся детишек. А еще отнимали у них деньги...

На деньги можно было купить конфеты и сигареты. Продавцов в ларьках паспорта и возраст сирот не интересовали.

Сигареты мне были не нужны: пробовала курить в восемь лет, но сильно закашлялась, и потом во рту было противно. А вот конфеты я любила по-прежнему. В столовой их не давали, как в доме малютки, хотя ходили слухи, что по документам их нам раз в месяц завозят... Шоколадку и апельсин мы видели раз в год — в новогодних подарках. Тогда при-

езжали люди из администрации района, нас всех выстраивали в линейку, и Дед Мороз в красной шубе вручал каждому ребенку красивую коробочку с разными вкусняшками. В основном там были карамельки, но обязательно лежала шоколадка и апельсин. Это был настоящий праздник. В остальное время главной сладостью в столовой был хлеб с маслом, который мы посыпали сахаром и ели. Сахара, почему-то всегда было вдосталь...

Меня лупасить домашних детей не брали: слишком маленькая и худенькая, слабачка, одним словом. Так что своих денег у меня не водилось. Сладости перепадали от старшаков, если мы — мелкие, прибирались у них в комнате.

Один мальчик, которому уже было двенадцать лет, однажды предлагал мне сразу три конфеты, за то, чтобы я с ним поцеловалась с языком. Мне тогда уже девять было. Я отказалась. Я уже точно решила, что не буду проституткой: женщиной, продающей свое тело для интимных услуг за материальные блага... Хорошая формулировочка для детского ума? Там мы очень рано переставали быть детьми.

Этот мальчик тогда усмехнулся и сказал:

— Еще немного подрастешь, и я первый тебя трахну.

Как же я мечтала, чтобы меня удочерили! Неважно кто. Лишь бы забрали из этого детского ада.

Телевизор нам включали по выходным на три часа, а в остальное время провод антенны прятали, чтобы мы не особо вникали в блага обычных людей. Но я стала захаживать

в библиотеку и брать художественные детские книжки. Они помогали спрятаться в мир дружных семей, вкусных ужинов, приготовленных мамами, и узнать, что за воротами детского дома есть совсем другая реальная жизнь. Большая и светлая.

Переломный момент в моей жизни произошел, когда мне исполнилось двенадцать лет.

После повторного бритья головы прошел почти год, и мои чуть выющиеся темные волосы отросли почти до плеч. Я тогда, как могла, избегала того озабоченного парня... Начать жить половой жизнью в двенадцать лет, тут было нормой, а ему так вообще теперь было все пятнадцать... Я знала, что он спит с другими девочками, но на меня у него были особые планы... Мне было страшно. А он, проходя мимо, каждый раз старался ущипнуть меня за попу, и мне не всегда удавалось увернуться... Мой зад был в синяках.

А потом в детский дом пришла работать она!

Глава 5

Мы сидели в кабинете продленки и делали уроки, когда к нам зашла директриса, или, как мы ее называли — Каркалыга. С ней притопала незнакомая пожилая тетка, похожая на нерусскую.

Большой нос, широкая косматая монокбровь над глазами и полные губы, от которых пролегли глубокие носогубные складки до самого подбородка.

Каркалыга приняла торжественный вид и начала вещать: — Дети, это Нонна Эдгаровна. Она будет вести уроки музыки. Так же она станет воспитателем одной из групп. Занимайтесь дальше.

Они развернулись и ушли, а мы недоуменно переглянулись.

— На хрена нам музыка? — пожала плечами моя одноклассница.

Остальные были такого же мнения. Последняя училка по музыке сбежала еще три года назад, и мы прекрасно обходились без песен под аккомпанемент древнего рояля, что собирал пыль в пустующем кабинете...

Тогда еще мобильники были с кнопками, а смартфоны являлись запределной роскошью, но у старшаков были маленькие МРЗ-плеера с наушниками. Они в городе закачивали в них музыку из интернета в интернет-кафе, а еще там

ловились разные радио.

Таня Илюхина давала слушать мне свой плеер: я застила-ла ее кровать, гладила одежду, пришивала оторвавшиеся пуговицы и мыла полы в их комнате, когда подходила очередь Таниного дежурства. У Тани был плеер, мобильник и красивые вещи. Она не была проституткой, но встречалась со взрослым мужчиной. Ей было уже семнадцать лет, и я знала, что весной она покинет детский дом. По вечерам в выходные она давала немного денег сторожу и уходила с территории...

Однажды я дежурила в кабинете музыки, мыла полы и напевала песню, которую много раз прослушала в плеере. Я даже не заметила, что вошла Нонна Эдгаровна и остановилась у меня за спиной. Я упоенно пела и возила серой тряпкой по полу, нацепив ее на швабру.

— А какие ты еще песни знаешь? — раздалось у меня за спиной.

Я так испугалась, что даже подпрыгнула.

— Чего?

— Какие песни еще исполняешь? — строго поинтересовалась музыкантша.

— Разные, — проямлила я, — из радио.

— Спой что-нибудь, — потребовала она.

Я немного подумала, перебирая в голове немногочисленный репертуар из последнего, и заголосила:

— Любовь зарядила дожди-пистолеты...

Училка послушала меня, а потом сказала:

— Пойдем к инструменту, проверим твой слух.

Она нажимала на клавиши старого потертого рояля, который тут стоял со времен царя Гороха, а я повторяла голосом разные ноты.

И чего она ко мне прицепилась? Хора в нашем детском доме нет, и не будет. Не для кого концерты давать. И вообще, чтобы толпу детей выпустить на сцену, их нужно прилично одеть. И желательно, чтобы девочки были не лысые, а то бантики на клей к макушкам клеить придется... Но, несмотря на мои жизненные перипетии, я оставалась послушной девочкой. Она говорила петь, и я пела.

Потом она меня отпустила, а напоследок пробормотала:

— С такой мордашкой бежать тебе отсюда надо...

А то я не знала, что меня ждет в ближайшие месяцы... Сначала меня поимеет этот урод, независимо от моего желания. И не один раз. А потом будут другие мальчишки. Главная задача — не залететь до окончания школы и выпуска, а то у руководства статистика по беременным ученицам испортится. У нас старших девчонок иногда увозили в соседний городок на аборт...

И про мордашку Нонна Эдгаровна была права. Я видела себя в зеркале. Начала расцветать. А про глаза мне с детства говорили, что красивые.

Раньше я недоумевала, почему меня не удочеряют. Я же хорошая и послушная, и не уродка... Только потом поняла, что у воспитанников нашего детдома такая репутация, что

усыновители предпочитают обходить его стороной. А теперь, в двенадцать лет, я уже никому не нужна. Взрослые предпочитают брать совсем малышей, чтобы воспитывать их под себя, чтобы те считали их настоящими родителями, а не орали в приступе злобы: «Ты мне не мать!».

Дети-подростки усыновителям без надобности, они обречены взрослеть, так и не узнав, что такое настоящая семья. Ходили слухи, что больших иногда берут в других интернатах, но нам это не светило.

Мы уже не сидели возле окон, вглядываясь в лица незнакомых взрослых. Мы просто росли и выживали в своем социуме.

А вот училка по музыке ко мне как клещ пристала. Начала вызывать меня в кабинет и заставляла разучивать разные песни. Какие-то старые, немодные. Даже мы — детдомовские, знали, что это полный отстой. Зашквар натуральный.

Я искренне не понимала, почему она доколупалась именно до меня, но... из-за этих занятий у меня была возможность провести лишнее время в безопасном месте.

Мой преследователь начал подкарауливать меня на переменах, а пару раз ему удалось поймать меня вечером в туалете. Что он был девчачий, его не смутило...

Он нагло прижал меня к стене и полез рукой под футболку, лапая мою еще совсем неразвитую грудь. Спугнули его старшие девчонки, которые с громкими разговорами реши-

ли наведаться в туалет и покурить перед сном в окошко. Этот гад меня тогда отпустил, а сам заперся в кабинке...

Я вылетела из туалета, чуть не сбив девчонок с ног, а одна из них крикнула мне вслед:

— Сенька, ты куда ломанулась? Менстры пришли? А за-
тычек нету...

В спину летел обидный смех.

У взрослеющих девочек тема критических дней считалась особенно важной. Тут даже руководство детского дома подсуенилось: массово закупали самые дешевые прокладки на оптовых базах, чтобы меньше потом тратить средств для стирки, при приведении в порядок окровавленных трусов и постельного белья. По этому пункту вороватая директриса ничего не смогла возразить. Она же сама, в конце концов, была женщиной и понимала: если девчонки начнут рвать простыни и воровать в медпункте вату, мастера самодельные средства гигиены, то это обойдется дороже. Все равно эти тряпки стирать начнут, переводя такое замечательное хозяйственное мыло, которое склизкими кусками лежало в мыльницах на умывальниках...

А еще я знала, что когда у меня начнутся месячные, и этот гад меня поимеет, лишив девственности, я могу залететь, и тогда придется делать аборт. Возможно, что потом у меня совсем не будет детей. А значит, и настоящей семьи... А семья, в которой есть родители и дети — это самое главное!

Перспективы были совсем не радужные. Но и деваться

мне было некуда. Сбежать, как делали некоторые, я боялась.

Одних находили полицейские и возвращали обратно, другие исчезали бесследно... В прошлом году одна девчонка четырнадцати лет пошла в бега, а через неделю в соседнем городе нашли ее труп: зверское убийство с предварительным изнасилованием во всех извращенных формах...

Однажды утром, после завтрака, когда мы собирались на уроки, в спальню зарулила Каркалыга и скомандовала:

— Стрижова, собирай вещи. Ты уезжаешь!

Глава 6

Я замерла, не смея поверить своим ушам.

Я уезжаю?

Меня удочерили, и я еду в семью?!

Девчонки, что жили со мной в комнате, начали перешептываться, а я прокашлялась, возвращая себе возможность говорить, и спросила?

— Меня забирают родители?!

Каркалыга презрительно фыркнула, глянув на меня поверх очков, и процедила:

— Да кому ты нужна... В другой детдом отправляешься. Чтобы через час была готова.

Она вышла, а я растеряннo села на свою заправленную кровать.

Это что же получается? Меня из одного сиротского дома в другой перекидывают? Но у нас нет перенаселения, я тут не лишняя. За что?!

Я закрыла лицо руками и разревелась.

Другой жизни, кроме этой, я не знала. Тут у меня подруги, привычная комната.

Да, наш интернат далеко не рай, но в другом все может быть намного хуже. Мы знали, что жадные до денег руководители приютов сдают детей за деньги педофилам, или сами насилюют девочек и мальчиков... Тут такого не было, под-

ростки сами разбирались со своим либидо и гормональными перепадами.

В другом месте из меня сделают проститутку и без моего желания.

Я сидела и плакала навзрыд, подруги меня утешали и гладили по плечам, не зная, как еще помочь.

Им нужно было идти на уроки. Через несколько минут в учебном крыле прозвенит звонок на первый урок, а они сидят рядом со мной и не уходят...

Шестой класс только начался, новый учебный год. Быть новенькой в классе плохо — новеньких не любят. Бьют, задирают, проверяют на «вшивость», организовывая разные подставы. И если хоть раз пожалуешься воспиткам, то тебе кирдык. Жизни не дадут.

В моем юном, но уже многое повидавшем мозгу, впервые зародилась суицидальная мысль... Если на новом месте все окажется совсем плохо, то я лучше в петлю влезу...

Девчонки смотрели на меня и утешали, и мы не заметили, как в комнату вошла Нонна Эдгаровна. Она оглядела нас и строго спросила, как всегда, смострячив над переносицей птичкой-галочкой свою монокль:

— А вы чего тут расселись? Сейчас звонок будет. Марш на уроки.

Одна из девочек сердито ответила:

— Сеньку в другой детдом переводят. Фиг знает, что там с ней сделают. Она же у нас вон какая хорошенькая...

— Что еще за «фиг»? — уперла руки в бока музыкантша.
— Там хороший детский дом. С музыкальным уклоном. Это в Вышехонске. Сеня, собирай вещи, я сама тебя туда повезу. Три часа на автобусе ехать будем.

Я хлюпала носом, снова не веря своим ушам: меня везут в хороший детдом? Такие бывают?!

Нонна Эдгаровна покачала головой, глядя на мое зареванное лицо, и сказала, протягивая мне слегка потрепанную спортивную сумку:

— Вот, я тебе для вещей принесла... Прощайся с девочками, собирайся и приходи ко мне в кабинет. Потом письма друг другу писать будете, не потеряетесь.

Она ушла, а я переобнималась с подругами и немного успокоилась.

Девочки отправились на уроки, оставив меня одну в комнате, и я принялась складывать в сумку свои немногочисленные пожитки: нижнее белье, колготки, майки... На мою совсем маленькую грудь бюстгальтер уставом нищего интерната не предусматривался, хотя пора бы уже и носить... Благодаря жадному и вороватому руководству детдома, все мои пожитки благополучно поместились в одну сумку.

Влез бы и мой игрушечный енот, которого я привезла из дома малютки, но его кто-то украл еще в первый год моей жизни в интернате. Я тогда неделю редела.

Старшаки даже тотальный обыск учинили, поскольку: «У своих крысить нельзя!», но енотик так и не нашелся.

Я сидела в междугороднем автобусе возле окна и таращи-лась на мелькающие деревья. От желтой и красной листвы рябило в глазах, но мне нравилось. Это был новый мир: большой и яркий!

Нонна Эдгаровна дремала на соседнем сидении и слегка похрапывала. Ее ресницы подрагивали, будто ей что-то снилось, и она дергала в воздухе указательным пальцем на руке. Может, дирижировала оркестром во сне.

Теперь я понимала, почему она прицепилась ко мне со всеми этими дурацкими песнями и заставляла петь гаммы. Я-то сначала думала, что она заставит меня петь перед всем интернатом на ближайший Новый год: поставит под елку с бумажными гирляндами из цветной бумаги, и скажет: «Пой, Сеня, пой про елку, про медведя и пой про смешного человечка, что на крыше живет...». Я бы тогда со стыда сгорела.

Выставляя себя напоказ и красоваться перед всеми на сцене я не готова. Очень стесняюсь. Публичность — совсем не мое...

Толком обсудить мое будущее с Нонной Эдгаровной удалось только тогда, когда мы сели в этот автобус. А до этого мы чуть ли не бегом бежали на автовокзал, чтобы не опоздать. Она еще и мою сумку с пожитками тащила.

Усевшись на свои места и отдышавшись, я настороженно поинтересовалась:

— А вы уверены, что это хороший интернат?

— Да. Я знаю несколько выпускниц из него, — ответила музыкантша, — дети поют, танцуют, на гастроли выезжают, в конкурсах участвуют. Их летом в детские лагеря к морю отправляют. Там очень серьезная спонсорская программа и директор ответственная. За своих детей горой! Я целый месяц на счет тебя договаривалась...

— А почему вы выбрали именно меня? — продолжала допытываться я.

— Миленькая ты, — вздохнула Нонна Эдгаровна, — а тут тебя к выпускному так изнахратят, что клейма негде ставить будет. Да и голос у тебя хороший. Солировать не придется, не тот уровень, но в хоре будешь отлично смотреться. Или танцами там займешься. Или музыкой, у них оркестр отличный. Главное — веди себя хорошо и учись. Такой шанс мало кому из сирот выпадает.

Я слушала ее, а в душе разгорался огонек надежды, что моя жизнь скоро изменится в лучшую сторону.

Преисполнившись благодарности, я поладила музыкантшу по руке и растроганно произнесла:

— Спасибо вам...

Когда мы с ней спешно выходили из ворот интерната, дети прилипли к окнам учебных классов и смотрели нам вслед. Только мой преследователь распахнул створку и заорал на весь двор:

— Сука, я тебя найду!

Эта фраза, брошенная вслед, на несколько лет стала моим

кошмаром...

Глава 7

Мы стояли с Нонной Эдгаровной перед воротами нового интерната и ждали, когда их откроют. Охранник уже спешил к нам.

Ухоженный двор с цветочными клумбами. Чуть в стороне детская площадка для младших воспитанников... Ни фиги себе у них тут роскошь!

— А мы вас еще два часа назад ждали, — говорил охранник, провожая нас ко входу, — Ольга Васильевна вся извелась уже. Проходите.

Он распахнул дверь, пропуская нас в отремонтированное здание. На стенах вместо серой и зеленой краски нарисованы пейзажи, на потолке светодиодные люстры в виде цветка, Пальмы в деревянных кадках, в холле стоит небольшой диванчик, на котором сидит девчушка лет восьми и играет в змейку на маленьком сером мобильнике-раскладушке, и стол охранника с монитором.

Я с удивлением озиралась, тараща глаза на такую красоту. После нашего детдома этот интернат мне показался дворцом. Я так разволновалась, что вцепилась в руку Нонны Эдгаровны и боялась отпустить.

Девчоночка оторвала взгляд от игрушки, слезла с диванчика и смело подошла:

— Здравствуйте! Ну наконец-то, — прошепелявила она, демон-

стрируя улыбку с двумя выпавшими молочными зубами, — сколько вас ждать уже можно? Обед прошел. Пойдемте в столовую. Ольга Васильевна велела вас с дороги накормить.

— Здравствуй, — улыбнулась ей Нонна Эдгаровна, — а может, сначала к директору нас отведешь?

— Нет, — твердо произнесла девочка, — у нее сейчас переговоры со спонсорами о танцевальном фестивале в Ярославле. Сумку тут поставьте и идите за мной. Тетя Маша вас накормит. Меня, кстати, Алиса зовут. А вы Сентябрина и Нонна Эдуардовна?

— Эдгаровна, — поправила ее музыкантша, — ну, води нас в столовую, раз так велено. А кто такая тетя Маша?

Она приставила мои вещи к столу охранника, а он лишь махнул рукой, мол, идите спокойно, я пригляжу...

Мы пошли по коридору вслед за Алисой, а она продолжала с самым деловым видом вводить нас в курс дела:

— Тетя Маша у нас главный повар, она в столовой всем заведует. А еще у девочек кулинарию преподает с пятого класса. Некоторые мальчишки тоже ходят.

— Так, нет же такого предмета, — удивилась я.

Нонна Эдгаровна добавила:

— Даже домоводство во многих школах отменили.

Алиса неопределенно махнула рукой куда-то в сторону и пояснила нам:

— У нас все есть. И домоводство, и кулинария. Тетя Маша проводит занятия в столовой во внеурочное время и оценок

не ставит... И все равно все старшие девчонки ходят... Не прогуливают. Они такие пироги пекут, пальцы пооблизывают. Мы их потом всем интернатом на продленках лопаем.

Вот это да! Они тут пирогами обедаются! Совсем как домашние дети. Может, у них еще и конфеты к чаю по воскресеньям выдают? Меня в сказку перевезли, что ли?!

Алиса свернула в очередной коридор, который уперся в розовую двустворчатую широкую дверь. Девочка толкнула створки и сделала приглашающий жест:

— Проходите, гости дорогие. Направо умывальник. Мойте руки с мылом, а то глисты заведутся. А потом садитесь вон за тот стол с фиалками, — она указала пальцем направление, — это я специально для вас поставила, чтобы красиво было.

Я посмотрела, куда она показывала, и действительно, на столе красовался глиняный горшок с бело-розовой цветущей фиалкой. Надо же, меня впервые встречали с цветами! От вида простого цветочного горшка на душе стало так тепло, что в носу защипало.

Я шмыгнула носом, приказав себе не расслабляться, и пошла вслед за Нонной Эдгаровной мыть руки. Глисты нам не нужны!

Когда подошли к столу и сели на интересные цветные пластиковые стулья с сетчатыми спинками, из-за раздаточной перегородки раздался глубокий бархатный голос:

— С приездом. А я вас жду, жду... Сейчас накормлю. Умаялись, поди, с дороги...

К нам плыла пышнотелая женщина, примерно одного возраста с Нонной Эдгаровной, и несла в руках поднос. Ее белый халат и лихо сдвинутый набок поварской колпак прямо говорили, что перед нами главный кулинар. За ней шла Алиса. Девочка несла второй поднос.

Нонна Эдгаровна встала и дернула меня за рукав, чтобы я тоже поднялась. Правила приличия.

А повариха подошла к столу и начала выставлять тарелки. Речь ее все время не умолкала:

— Зовите меня тетя Маша, тут все так называют. На первое у нас сегодня борщ, — она поставила перед нами по тарелке с густым красным супом, в котором почему-то еще лежали кусочки мяса, а сверху примостилась большая клякса белой сметаны, — да вы садитесь, берите ложки. Алиса, давай второе.

Девочка подошла со своим подносом, на котором стояли блюда с картофельным пюре и жареной куриной ножкой. Еще были две мисочки с чем-то нарезанным и намазанным... И корзиночка с хлебом. Не блюдо, как у нас подавали, а плетеная тарелочка! Очень красивая.

Тетя Маша выставила все это на стол и упорхнула со словами:

— Приступайте, еще десерт. Алиска, чай будешь?

— Буду, — крикнула ей вслед девочка и махнула нам рукой, указывая на стулья, — чего вскочили. Ешьте, а то снова греть придется.

Она тоже забралась на стул, рядом со мной и начала болтать ногами, недостающими до пола. Мы сели на свои места, а к нам уже спешила тетя Маша с очередным подносом.

Повариха поставила на стол четыре стакана с чаем и четыре блюдца... Я не верила своим глазам! На каждом блюде лежало по большому квадратику тряского оранжевого желе и три незнакомых мне круглых печенки с красной кляксой чего-то посередине.

— Ну, давайте знакомится. Меня и Алису вы уже знаете... Расскажите о себе.

— Я Нонна Эдгаровна, — представилась моя учительница, — преподаю музыку в интернате. А это Стрижова Сентябрина Тимофеевна, хорошая девочка с хорошим голосом и слухом. Теперь будет учиться у вас.

Тетя Маша пододвинула Алисе один стакан и блюдце с десертом, внимательно пригляделась к моему лицу и сказала:

— Какая хорошенькая. Красавицей вырастет и на сцене будет отлично смотреться. Ты чего не ешь, Сентябрина?

Она заметила, что я вертела ложку в руках, но есть странный суп не начинала. Мне не хотелось быть грубой, но и не ответить было невежливо. Я тихонько промямлила:

— У вас неправильный борщ. Он красный и с мясом...

Глава 8

Тетя Маша удивленно уставилась на меня и улыбнулась:

— А это, солнышко, украинский борщ. Он такой и должен быть. А ты раньше какой ела?

— Прозрачный. Там капуста, картошка, лук с морковкой. А такой у нас не готовили.

Я осторожно зачерпнула ароматный густой бульон и сунула ложку в рот. Потом вторую, третью... Это было что-то потрясающее!

В полном восхищении от нового вкуса я указала пальцем на картофельное пюре и спросила:

— А пюрешку вы тоже по иностранному рецепту готовите?

— Почему? — еще больше удивилась повариха.

— Она желтая, — пояснила я.

— А какая должна быть? — не унималась тетя Маша.

Алиса пила чай, лопала желе ложечкой и смотрела на меня, как на дурочку... Я не обращала внимания на девочку, а вела серьезную беседу:

— Обычно нам давали серо-белую пюрешку. Только она склизкая и по тарелке растекалась, а у вас горкой лежит. Как так получается?

Тетя Маша вздохнула и неожиданно погладила меня по голове. У нее были теплые и мягкие руки. Раньше меня ни-

кто не гладил и не называл солнышком.

— Наслышаны мы про ваш детдом, но ученицу оттуда впервые вижу, — обратилась она к Нонне Эдгаровне и сокрушенно покачала головой, — как же так получается? Куда руководство смотрит?

Та только рукой махнула:

— Там такая круговая порука... Я вот Сеню вам привезла, а сама вернусь и заявление на увольнение подам. Не могу это видеть. Через неделю хотела сбежать, когда туда устроилась да услышала, как она поет. Решила, вытащу девочку, и сама сбегу. На север поеду, метеорологом вахтой устраюсь... Образование позволяет. Сложно мне с детьми...

Я уплетала диковинный борщ за обе щеки, но при этих словах ложка зависла, не успев добраться до рта. Я вскинула глаза на учительницу:

— Вы хотите уйти? А может, вам можно тут остаться?

Я тогда была весьма наивна и не знала, что в любой организации существует штат сотрудников, годовой бюджет, распределение должностей... Взрослые не стали меня грузить ненужной информацией. Нонна Эдгаровна ответила просто:

— Я больше ценю уединение, а вы, детишки, пошуметь любите.

Этот довод мне был понятен, и я его приняла. Тетя Маша понимающе улыбнулась:

— А готовить я тебя научу, Сеня. Можно мне тебя так называть?

Я кивнула, а она продолжила:

— Будешь ходить ко мне на занятия по кулинарии, рецепты в тетрадку записывать и своими ручками все готовить. Между прочим, несколько наших учеников после выпуска ушли на поваров учиться, хотя были отличными музыкантами. Просто на моих занятиях готовку полюбили, с блюдами экспериментировали. Один уже в Москве шеф-поваром в ресторане работает, а некоторые су-шефами трудятся.

— А если я не хочу быть поваром? — решила уточнить я, а то вдруг заставят...

— Тогда мужа будешь вкусно кормить, — встряла в разговор Алиса.

Мы ели, Нонна Эдгаровна расспрашивала тетю Машу и Алису про быт в детском доме, про творческую деятельность здешних коллективов, а я знакомилась с новыми блюдами, которых ни разу не пробовала, дожив до двенадцати лет. Оливье, курабье, желе...

Когда все было съедено, а чай выпит, в столовую заглянул запыхавшийся мальчишка. Увидев нас, он торжественно произнес:

— Ольга Васильевна ждет вас. Алиска, проводи.

Он развернулся и убежал, а наша маленькая провожатая слезла со стула и начала собирать на поднос грязную посуду. Я схватила второй поднос и начала ей помогать. Мы отнесли все к окошку мойки и пошли знакомиться с директором музыкального интерната.

Мне жалко было покидать уютную столовую. Такая яркая, с теплой атмосферой... На кремово-розовых стенах нарисованы картины из русских мультфильмов, где персонажи едят или готовят. Столы стоят не длинными рядами, как было у нас, а по два штуки так, чтобы получался квадрат. Посередине подставки с салфетками, солонка с перечницей и сахарница... Как в ресторане каком-то. Яркие стулья мне особенно понравились: красные, синие, желтые, сиреневые, зеленые. Даже один их вид поднимал настроение. В нашем детдоме в столовой стояли старые табуретки...

Алиса повела нас по другому коридору. Вдоль одной стены тянулись большие светлые окна, а на другой чередовались двери в учебные классы и большие картины в золоченых рамах, висевшие на стене. Там были и пейзажи, и натюрморты, и пара больших портретов красивых женщин в древних нарядах.

Девочка проводила экскурсию:

— Тут у нас кабинеты истории, русского с литературой, географии... На этом этаже старшие классы учатся, и ты будешь, — кивнула она мне, — а младшие на втором занимаются. У нас там тоже репродукции висят, а еще несколько копий есть. Это нам художественная школа подарила, когда наши им концерт показывали.

— А где жилые комнаты? — поинтересовалась я.

Очень мне не терпелось увидеть свою новую кровать, соседок по комнате. После теплого приема от Алисы и тети

Маши мне уже было не так страшно становиться новенькой в этом интернате. Если у них хотя бы половина воспитанников такие же дружелюбные, то вряд ли они устроят мне темную с колотушками в качестве приветствия или отберут и без того небогатое добро, что я с собой привезла.

Девочка подвела нас к окошку и вытянула руку:

— Видишь, интернат буквой «П» стоит. Вот, все это крыло — учебное и административное. В середине у нас спортивный зал и актовый, там потолки высокие. А второй хвост, — она указала на вторую половину строения, расположившуюся напротив, — там на втором и третьем этаже жилые комнаты, а на первом репетиционные: музыкальные и танцевальные. Там звукоизоляция есть.

Я слушала эту малявку и удивлялась: откуда она в своем возрасте знает столько взрослых слов? Я хоть и читала книги, что брала в библиотеке, но такими словами, как «репетиционная», «звукоизоляция», «репродукции» в жизни не пользовалась. Я даже примерилась вслух, чтобы потом язык не сломать:

— Ре-пе-ти-ци-онна-я...

— Ага, — кивнула Алиса, — мы там поем, музыку играем, в залах танцовщики танцы разучивают. А еще у нас есть свой театр. Александр Варфоломеевич, который ведет литературу и занимается постановкой речи — наш драматург. Крутые спектакли ставим. Лично я Дюймовочку играю, а еще фею Динь-динь в Питере Пэне.

Я повторила:

— Александр Варфоломеевич...

Да, тут от одного имени-отчества язык на узел завяжется, а если он у них над дикцией работает, то все ясно, отчего у девчонки речь, как у взрослой.

Наконец, мы добрались до двери, на которой висела золоченая табличка с гордой надписью «Директор».

Алиса пару раз саданула по ней кулачком, потом дернула на себя створку и просунула головушку в образовавшуюся щель:

— Скажите Ольге Васильевне, что мы пришли. Проходите, — девочка распахнула дверь и шагнула вперед.

Глава 9

Мы прошли в комнату, где за компьютером сидела молодая женщина в очках с тонкими стеклами, а вдоль стены стояли мягкие кресла.

Я поняла, что это приемная и секретарь директора. У нашей Каркалыги тоже была секретарша — ее племянница. Вредная тетка, как и все в их семейке. Муж — жадный завхоз, сын — физрук, дочь с зятем держали магазин и якобы оказывали спонсорскую помощь нашему интернату... Ага! Как же! У них, у всех были квартиры, машины и двухэтажные дачи... А у нас сахар на десерт...

Молодая женщина встала нам навстречу и улыбнулась: — Добро пожаловать. Ольга Васильевна ждет, проходите. Она распахнула перед нами еще одну дверь, и мы Нонной Эдгаровной прошли в директорский кабинет.

Алиса отправилась вместе с нами, но секретарь придержала ее за руку и сказала:

— А ты беги к себе. Спасибо, что встретила гостей.

— Ну мне же любопытно, — заканючила девочка.

— А любопытной Варваре на базаре нос оторвали, — засмеялась секретарь и ткнула Алису пальцем в нос, — беги, тебе еще стих учить.

Алиса вздохнула, с любопытством глядя нам вслед, а потом дверь за моей спиной захлопнулась.

Мы стояли перед директором.

Пока я только слышала имя «Ольга Васильевна», я представляла себе крупную дородную женщину, почему-то обязательно с толстой косой, закрученной на затылке в узел... Даже не знаю, откуда в моей голове возник этот образ?

Сейчас я с удивлением разглядывала настоящую директрису...

Маленькая, худенькая женщина средних лет, чуть выше меня ростом. Если бы не мелкие морщинки вокруг черных глаз и не пробивающаяся седина в темноволосой мальчишеской стрижке, то издали или со спины, ее можно было бы принять за подростка...

И вот эта тщедушная коротышка так ответственно держит в своих руках творческий интернат?!

Я всегда думала, что окружающие уважают только силу, потому что только сильный способен отстоять свое мнение.

Как же Ольга Васильевна со всем справляется? Ее же никто не боится!

Директор сделала пару шагов нам навстречу и протянула руку Нонне Эдгаровне:

— Здравствуйте. С приездом.

Потом она пожала и мою руку со словами:

— Все, бобренок, выдыхай. Считай, что ты дома. Добро пожаловать.

Ее глубокий, бархатный грудной голос никак не вязался с хрупкой внешностью. Тогда мой словарный запас был сла-

боват, а сейчас я бы сказала, что в моей голове возник ярко выраженный когнитивный диссонанс. Я-то думала, что она фальцетом разговаривает, или просто тихо. А тут еще и: «Выдыхай, бобер». Откуда она знала, что я безумно волнуюсь?

Собрав в кучу все свое самообладание, я растянула губы в улыбке и проямлила невпопад:

— Спасибо.

— Присаживайтесь, — Ольга Васильевна указала на стулья, приставленные к столу, стоящему перпендикулярно к директорскому. Сама она заняла свое место: — давайте документы.

Нонна Эдгаровна достала из своей сумки папку с моим личным делом и протянула:

— Тут все. От самого обнаружения Сентябрины до окончания пятого класса. Отдельно приложена выписка оценок за начало этого учебного года. А вот медкарта.

Еще одна книжечка легла на стол Ольги Васильевны. Та удивленно поглядела на нее:

— А чего такая тонюсенькая? Потеряли, что ли, и новую завели?

— Такую в медпункте отдали, — развела руками Нонна Эдгаровна, — там все в одном шкафу хранится, сложно потерять.

Директор отложила мое личное дело и начала листать медкарту:

— Анализы, прививки, ага... ангина. Гемоглобин низкий... ветрянка... вши, вши... И это все?

Она перевела взгляд на меня и спросила:

— Сентябрина Тимофеевна, ты часто болеешь? Простываешь или с животом проблемы бывают?

Я растерялась от вопроса и перевела взгляд на свою учительницу: мне прямо самой отвечать или она скажет? До меня как-то не дошло, что Нонне Эдгаровне неоткуда знать, чем я болела или нет за всю свою жизнь. Она ободряюще подмигнула мне и сказала:

— Рассказывай, Сеня, не бойся.

От волнения я схватилась за пуговицу своей рубашки, начала ее вертеть и заговорила:

— Я почти не болею... Только горло иногда. Нам тогда старшаки сахар в ложках топят, и мы эти леденцы сосем, горло проходит. Я в медпункт не хожу, там только горькие таблетки дают и люголем горло мажут. Меня сразу тошнит...

— Ясно, — Ольга Васильевна задумчиво разглядывала меня, словно решала, прохожу я в ее заведение по здоровью или лучше отправить меня обратно. Наконец, она спросила: — а зубы у тебя тоже здоровые.

— Вроде бы, — пожала я плечами, — почти...

И примолкла. Если я ей расскажу, что у меня один коренной зуб шатается, а в двух других дырки, то она от меня точно откажется. Или вообще — сверлить отправит.

В нашем детдоме всех, кто на зубы жаловался, сверлить

отправляли! Я тоже несколько раз ходила: самый первый раз мне в восемь лет коренной зуб по частям выдирали и отдельно корень с нервом. Анестезии не было, и я эту боль навсегда запомню. Сверлить тоже больно...

— Ясно, — снова повторила директор. — Сентябрина, а вот в твоей карточке указано, что у тебя вши были. Как их у вас выводили? Расскажи.

— Зачем? — удивилась я. — У вас тут тоже дети завшивели?

Только этого мне не хватало! У меня только волосы отрасли, и я снова стала на девочку похожа, а они мне очередной приступ педикулеза устроят?! Снова придется ходить с гладкой макушкой, как коленка?!

Видя мой испуг, Ольга Васильевна поспешила меня успокоить:

— У нас нет вшей. Просто интересно — для обмена опытом.

Я недоверчиво глянула на нее и пробормотала:

— Хуевый опыт. Брили нас.

Глава 10

— Сеня! — воскликнула Нонна Эдгаровна. — Ты чего матом-то?

Я тоже испугалась, что у меня вырвалось привычное в нашем детдоме прилагательное. Я сжала губы и даже закусила их изнутри, чтобы еще чего позорного не ляпнуть.

Ольга Васильевна примирительно выставила ладонь вперед и добродушно сказала:

— Все нормально. Это пройдет. Перенервничала с дороги.

От ее доброго голоса мне стало совсем стыдно за свою речь, и я начала краснеть. Прямо чувствовала, что щеки и уши начали гореть. Директор встала со своего места, обошла стол и села рядом со мной. Теперь я оказалась между двумя взрослыми, которым было не пофиг на мою судьбу... Неслыханное дело, хоть желание загадывай.

Ольга Васильевна взяла мою ручонку в свою и заговорила:
— Сентябрина, ты не волнуйся. У нас хороший интернат. И дети у нас хорошие. Как раньше, в твоей жизни больше не будет.

Я подняла на нее глаза и прошептала:

— Значит, вы меня за это... слово обратно не отправите?

— Нет, — улыбнулась она, — не отправлю. Но и ты постарайся следить за своей речью. Договорились?

Я кивнула и еще больше покраснела, хотя вроде бы дальше было некуда. А директор продолжила:

— Скоро ты познакомишься со своими соседками по комнате. Живут у нас по восемь человек, но комнаты просторные. Девочки тебе все покажут и расскажут. Они тебя, между прочим, уже ждут... Устроят тебе экскурсию. А завтра ты с нашим доктором отправишься в поликлинику, пройдешь медкомиссию, чтобы мы знали все о твоём здоровье... Лечиться жженым сахаром по рецепту старшаков — не дело. А еще посетишь стоматолога. Наш интернат прикреплен к спонсорской клинике, там хорошо делают и с анестезией.

— А без стоматолога нельзя? — в моих глазах плескалась надежда, что мне удастся отмазаться от этой гестаповской пытки.

— Нельзя. Зубы должны быть здоровыми. Тем более они у тебя сейчас меняются, вдруг новые криво расти начнут, а от этого и прикус может испортиться. Не бойся, у нас все дети регулярно проходят стоматологическую проверку, ничего страшного там нет.

Я обреченно кивнула головой. Не спорить же с ней. А с другой стороны, мне тут уже нравилось, и возвращаться обратно только из-за дырок в зубах я не хотела. Даже готова была пережить издевательства стоматолога, лишь бы остаться.

Ольга Васильевна приняла мой кивок за согласие и обратилась к Нонне Эдгаровне:

— У вас какие планы на конец дня: обратно поедете или у нас переночуете? У нас есть, где гостя приютить.

— Поеду. Обратный автобус через два часа, — вздохнула моя учительница и посмотрела на меня, — Сеньку вот, к вам пристроила, теперь спокойно заявление на увольнение напишу. А ты, — обратилась она ко мне, — будь умницей. Слушайся учителей и хорошо учись. Оперной певицы из тебя не получится, но шанс на достойную жизнь теперь есть. Не подведи меня.

— Не подведу, — тихо проговорила я, стараясь сдержаться, чтобы не разреветься.

Только сейчас я осознала, что Нонна Эдгаровна уже сегодня уедет и последняя ниточка с моей прошлой жизнью оборвется. Я уже второй раз буду начинать все с самого начала: новое место, новая кровать, новые друзья, новые учителя... И снова уходит, привезшая меня сюда учительница. Я уже не помню, как звали ту, которая меня доставила в детдом из дома малютки. От нее я получила одну житейскую мудрость — женщине обязательно нужен муж. Тогда ей не придется плакать, если захочется взять сироту.

Мы еще немного поговорили о моем будущем, Ольга Васильевна рассказала подробнее об особенностях музыкального интерната, а потом мы отправились провожать Нонну Эдгаровну.

Распрощались мы возле ворот. Музыкантша обняла меня напоследок и пожелала:

— Счастья тебе, Сеня. И всего хорошего.

Глаза у нее были сухие, словно она по три раза в неделю с детьми так расставалась. А вот у меня губы запрыгали. Я тоже обняла ее и прошептала:

— Спасибо вам...

А потом было знакомство с другими детьми. Ольга Васильевна сама отвела меня в комнату к девочкам и представила. Встретили меня дружелюбно, показали, где и что лежит, а потом засыпали вопросами: оказывается, мой детский дом, откуда меня привезли, был для местных, чем-то вроде ада, в который их грозились сослать воспитатели за плохое поведение... Вот так! Домашних детей пугают страшными бабайками, а тут интернатом, в котором я провела восемь лет своего детства.

На меня смотрели, как на героиню, которой удалось вырваться из лап злого дракона по имени Каркалыга!

Я рассказывала, стараясь говорить так, чтобы мои новые подружки не думали, что там все плохие. Дети-то там хорошие, даже старшаки, которые по-своему заботились о нас... Даже про своего домогателя поведала, только в конце добавила:

— Этот Ромка Прохин только до меня так доколупался, к другим так не лез.

— Может, он в тебя влюбился? — заинтересованно спросила одна из девочек. — Просто не знал, как это показать. Мальчишки же глупые в этом вопросе: то за косички дерга-

ют, то бумагой через трубочку плюются.

— Нет, — помотала я головой, — так не любят. Этот просто — моральный урод. И я его боюсь. Он сказал, что найдет меня.

Глава 11

Так началась моя жизнь в новом интернате.

Медкомиссию я успешно пошла: ничего патологического не выявили. Даже удивились, как мамаша решила от совершенно здорового ребенка избавиться. Лучше бы сразу в роддоме отказ написала, так меня бы прямо оттуда в семью могли отдать, а не лечили от переохлаждения. Но, судя по тому, что мать полиция не искала, рожала она дома и шансов на выживание мне не оставляла.

Зубы мне тоже привели в порядок. И, между прочим, совсем не больно. Не обманула Ольга Васильевна. А еще я поняла, что ее тут, действительно, никто не боится. Зато уважают безмерно!

Помимо учебы по школьной программе, меня определили в хор, а еще на танцы и музыку, чтобы выявить другие таланты.

Танцевала я хорошо, но душа к этому не лежала, а вот с музыкой получилось иначе... Насколько равнодушно я смотрела на рояль в старом детском доме, настолько же сильно я прониклась игрой на фортепиано тут. Это после того, как я услышала игру одной из старших девушек. Она играла одну из композиций итальянского неоклассического композитора Людовико Эйнауди. Я потом с этими мелодиями фильм посмотрела. Там чернокожий парень помогал своему парали-

зованному боссу... Очень хороший фильм.

После этого я пересмотрела свое отношение к черным и белым клавишам, записалась на занятия по сольфеджио и начала штудировать нотные тетради...

А еще у меня появился интерес к биологии: много читала дополнительной литературы, изучала лекарственные растения и даже участвовала в олимпиадах. На районной второе место заняла!

С девочками из старого интерната общение сошло на нет в течение двух лет. У меня почти сразу тут появился мобильник, а туда приходилось писать бумажные письма... Я не хвастала, что тут так хорошо, чтобы моим подругам не было обидно, что только меня сюда перевезли, но все равно, в двух ответных письмах чувствовалось, что они немного завидуют. Одна так и написала: «Зря ты, Сенька, там так радуешься. Все мы одной дорожкой пойдем».

Третье письмо оттуда было последним, мне тогда уже четырнадцать исполнилось. Подруга писала, что у них все нормально, в прошлом месяце она аборт делала, как и многие... В конце была приписка: «А Ромку Прохина на шесть лет посадили. Он на улице грабеж и поножовщиной устроил, а у него и до этого приводы были. Тетка та, которая жертва, выжила, а этого дебила в Сибирь на зону отправили. Одиннадцатый класс не доучился».

Я вздохнула с облегчением. Все это время я опасалась, что Ромка выпустится и заявится в Вышехонск... Теперь-то

я могу спокойно доучиться, а потом уеду куда-нибудь. Хотя в область, хоть в Москву. Тогда уже точно не найдет. Маньяк долбанный...

Школьные годы пролетали быстро. За это время я успела побывать в десятке городов на гастролях с хором. Мы либо участвовали в конкурсах, либо пели на концертах по разным поводам. Даже на благотворительных.

Спонсорская помощь позволяла нам выглядеть достойно: красивая повседневная одежда, сценические костюмы, чемоданчики у всех с колесиками... И мобильники у каждого. Да, не дорожные с надкушенным яблоком, а намного дешевле, но выполняющие все возложенные на них функции. К тому же мы сами выбирали чехлы для своих телефонов, так что все было на уровне!

В Вышехонске к нам относились нормально: не считали за воров, будущих уголовников и проституток. Энтиками не обзывали.

Конечно, дети, а тем более подростки, были вовсе не святыми. Некоторые втихаря покуривали, пили алкоголь, и секс среди старших учеников случался... Только вот запрета на дневной уход с территории для старших детей тут почти не существовало — ближайшая аптека была за углом...

На уроках биологии с тринадцати лет подробно объясняли, что такое овуляция, и развеивали мифы про «первый раз не залетишь», «если после секса подмываться колой, то не забеременеешь», «если в тебя кончили, то надо попрыгать»

и прочие подростковые глупости. Много говорили о контрацепции и безопасном сексе. Короче, аборт у нас почти не было. Хотя пару раз все же недосмотрели: увлеклись некоторые на каникулах.

После девятого и десятого класса меня вместе с хором вывозили на море, в летний лагерь. Это было потрясающе! Три недели рая, о котором воспитанники из обычных интернатов не могли и мечтать. Мы отдыхали не хуже домашних детей.

В выпускном классе я окончательно определилась с будущей профессией: я хотела быть врачом. Я точно не знала, каким именно, мне просто хотелось помогать людям.

Была только одна загвоздка: училась я на твердую четверку, а профильным предметам не уделяла должного внимания... На проходной балл в институт слегка не дотянула.

Но это меня не остановило, я подала документы в Вышехонский медицинский колледж и осталась в городе, который хорошо знала.

Честно говоря, я даже была рада, что не пришлось ехать в другой город, в областной центр. Страшновато мне было от полной неизвестности будущего. А еще оттого, что снова придется начинать свою жизнь с нуля: новые люди, новые друзья, новое жилье... А тут я всегда могла прийти в интернат и поболтать с учителями, Ольгой Васильевной, тетей Машей, которая сделала из меня хорошего кулинара... Да и ребята, кто тоже решил остаться в городе, были рядом.

Любимого человека у меня к выпуску так и не было. Я, ко-

нечно, встречалась с парнями. Были и поцелуи, и обнимашки по темным углам и залезанием их рук в мой бюстгальтер... Но школу я закончила девственницей. Просто видела, что эти парни меня больше хотят, чем любят... А такой вариант меня не устраивал.

От медколледжа мне дали комнату в общежитии, там мы поселились вдвоем с девушкой и маленького поселка. Катя оказалась веселой, добродушной, и мы быстро подружились.

Когда началась учеба, и я немного пообвыкла с новым режимом, то решила искать работу. Стипендия у меня, как у круглой сироты, была хорошая, но я мечтала летом снова поехать на море — как взрослая, самостоятельная девушка. А на это мне бы денег со степену не хватило.

Подумав немного, я пошла в местную районную больницу. Вскоре я приступила к выполнению обязанностей санитарки... Хотя по большей части и медсестры. Из-за небольших зарплат, младший медицинский персонал тут не задерживался, так что мои знания, полученные на практике, бежали далеко впереди тех, что давали в колледже.

А потом к нам в приемный покой попал Дима, мой будущий муж.

Глава 12

На дворе царил май. Самое начало. То время, когда из почек проклеваются листочки, птицы выют гнезда, а на южных склонах пригорков качают головками первые желтые одуванчики, обдуваемые теплым ветерком.

Вся страна отдыхала на майские праздники, в колледже тоже были выходные, а я набрала дополнительных смен в больнице. За выходы в праздники ставка больше.

Нужную сумму для поездки на море я уже накопила. Деньги хранила, как умная на банковском счете, а когда звонили мошенники и спрашивали про три цифры на обороте карточки, то я диктовала им три буквы: те самые, на которые они должны были пойти... Про мошенников нам читали отдельные лекции, чтобы нас не облапошили.

Страна уже несколько дней благополучно сажала картошку, жарила шашлыки и отмечала «Мир, труд, май», а я суежилась в больнице: ставила уколы, капельницы, раздавала таблетки, выносила и мыла судна, обтирала лежащих больных.

Для меня выполнять работу сразу двух должностей вошло в привычку, тем более за это мне приплачивали. А еще благодарные за заботу пациенты иногда дарили угощение: шоколадки и коробки с конфетами. С шоколадными!

Я теперь сама себе все покупала, и в нашей с Катей комнате всегда стояла вазочка с лакомством. Но покупать себе

— это одно дело, а когда тебе что-то дарят с искренней благодарностью в глазах — совсем другое. Да и работаю я на совесть, а не ради сладких презентов.

Вот и сейчас я наводила суету, шурша в отделении за двоих. Периодически приходилось еще бегать в приемный покой, поскольку, то и дело, скорая привозила раненых отмечальщиков. Один себе рыболовный крючок в палец загнал; другие перепили да подругу не поделили, пришлось им беденьким за нее драться; третьи коньяк купили не в магазине, а на трассе, сразу в пятилитровой пластиковой канистре... И всех везли к нам...

Обойдя всех больных в своем отделении, я в очередной раз спустилась в приемный покой, увидя в окошко, что снова подъехала скорая.

На кушетке сидел темноволосый мужчина и держал на коленях руку, перемотанную окровавленной футболкой.

Я уже решила, что это очередной пьяненький отмечальщик, что решил пофехтовать с другом заточенными шампурами, тем более что друг стоял рядом, когда мужчина произнес трезвым голосом:

— Я рыбу на уху чистил, а нож соскочил. Сначала хотели сами замотать, а кровь все не унимается. Вот меня Серый сюда и привез.

Дежурный доктор увидел, что я пришла, и поднял глаза от заполняемых бумаг:

— О, Сеня, как ты вовремя! Не забыла, как швы накла-

дывать?

— Забудешь тут, — хмыкнула я.

Только за последний месяц пять раз сама это делала, а до этого то одному доктору помогала, то другому... На Восьмое марта вообще одного привезли с острым аппендицитом, а у нас врачи праздник отмечают, только дежурные на местах, и то — половина веселые... Я тогда впервые помогала на операции, и все действия хирурга на усы под маской наматывала. Так что теперь наложить пару швов на порез для меня было плевым делом, и доктор это знал.

Он указал на мужчину и скомандовал:

— Займись пациентом, а то у нас следующий на подходе. С подстанции передали.

Я глянула на мужчину. Высокий, статный, лицо серьезное. Лет на десять меня старше. И одет, как для рыбалки. Куртка-энцефалитка, штаны с кучей накладных карманов и резиновые сапоги... В таком виде в перевязочную нельзя.

Я достала из шкафчика одноразовый халат из тонкой, прозрачной материи и розовые бахилы:

— Обувь и куртку оставьте приятелю, а это наденьте.

Он послушно все выполнил, а мне пришлось помогать, чтобы замотанную руку еще больше не повредил. Серый, приятель пострадавшего, бестолково топтался рядом и поглядывал на меня.

Когда мужчина стал похож на пациента, я скомандовала:

— Идите за мной, — сама направилась по коридору, а он

бодро припустил за мной.

— Меня Дима зовут. Дмитрий, — неожиданной произнес он мне в спину, — а вас?

— Сеня, — коротко ответила я, но сразу поправилась, — Сентябрина Тимофеевна. Вы местный наркоз как переносите?

— Нормально, наверное, — неуверенно ответил он.

Ох, мужики...

— Вы зубы под анестезией лечили? — зашла я с другой стороны.

— Да.

— Плохо после обезболивания было? — продолжала допытываться я, шагая вперед.

— Нет, наоборот, хорошо. Совсем не больно, — уже решительнее заговорил он.

Видимо, мой уверенный голос и медицинские вопросы его успокоили.

Неожиданно он задал совсем глупый вопрос:

— Доктор, а я не умру?

Типичный мужик. Представляю, в какую панику он впадает, если у него слегка поднимается температура... Чтобы он не расслаблялся, я ответила:

— Если прививку от столбняка делали, то не умрете.

— А я не знаю... — растерялся он и даже остановился. — А когда ее делают.

— Раз в десять лет, — оглянулась я, — АДСМ называется.

— Тогда не делал, — он спохватился и припустил за мной, — а что же теперь?

Я распахнула дверь перевязочной, где у меня все было приспособлено для малых хирургических манипуляций, и успокаивающе сказала:

— А теперь я вас не только зашью, но и укол от столбняка поставлю, чтобы вы жили долго и счастливо.

— Вы же моя спасительница, — расплылся он в довольной улыбке и уселся на кушетку.

— К раковине идите, — вздохнула я, — сначала промоем антисептиками, потом обколю и шить будем...

Пока я «спасала» Диминову жизнь, он рассказывал о себе. Много наговорить успел. Некоторые люди, когда волнуются, становятся весьма болтливы, им так легче переносить тревогу. Вот и этот разболтался.

Оказывается, он не местный, а приехал в гости к старому приятелю Сереге на майские праздники: порыбачить, а заодно помочь перекрыть крышу на даче. Сам Дмитрий в строительстве был не силен, но подавать кровельный материал и придерживать его во время монтажа, вполне способен.

А еще он рассказал, что холост и невесты пока нет. Все работает и работает. В офисе, в областном центре. И что квартира у него своя, а у мамы своя. И что папа не так давно умер...

Я только угукала, не особо вслушиваясь, а вот по поводу отца посочувствовала:

— Очень жаль. Я знаю, что такое — жить без родителей.
— Вы тоже кого-то потеряли? — он заглянул мне в глаза.
— Всех. Я в детском доме воспитывалась.

— Ого, — растерялся он, не зная, что на это можно сказать.

— Не «ого», а снимайте штаны. Колоть вас буду.

Швы на его порез я уже наложила и все забинтовала. Осталось только прививку сделать.

Он послушно стащил штаны, потом повернулся ко мне спиной, приспустил трусы-боксеры, оголяя левую ягодицу, и улегся животом на кушетку.

Я посмотрела на него, вздохнула и отломил вершушку ампулы. Пока набирала вакцину в шприц, спокойно произнесла:

— Трусы можете надеть на место. Мне нужна передняя поверхность бедра. Ваша попа меня не интересует.

Он вскочил, натянул труселя на ягодицу и уселся, глядя на шприц:

— Больно будет?

— Сейчас нет, — ответила я, протирая место для укола спиртовой ваткой, — а вот потом...

Я воткнула иглу и ввела лекарство:

— Потом несколько дней может побаливать. Но это норма. Не волнуйтесь.

Я вытащила иглу, прижала к ранке ватку и сказала:

— Сами минутку подержите, а потом свободны. Завтра

приходите на перевязку, в это же время.

Пока я убирала инструменты и наводила на столе порядок, чувствовала, что он на меня глазеет. Я уже решила, что он хочет что-то сказать, когда его желудок громко заурчал. Прямо на весь кабинет.

— А питаться нужно вовремя, — назидательно сказала я.

— Не успел, — Дмитрий выкинул ватку в ведро, натянул штаны и застегнул ремень, — улов для ухи чистил и резался.

Он с такой теплой и доброй улыбкой смотрел на меня, что мне стало его жаль. Я сказала:

— А у меня кусок пастушьего пирога есть. Хотите, я вас угощу. Сама пекла...

Глава 13

Так началось наше знакомство. Он еще два раза приходил ко мне на перевязки, но уже при втором визите заявил, что тот пастуший пирог был с приворотным зельем: он все время думает обо мне.

Я не наивная дурочка, понимаю, для чего приезжие мужики ведут подобные разговоры с молоденькими медичками... К словам Димы тоже серьезно не отнеслась.

Много их тут таких ходит: видят молоденькую симпатичную санитарку и начинают павлинами хвост распускать. И ладно бы только холостые, так ведь и женатики пытаются клинья подбивать. А это уже подлость. Подлость в первую очередь к своим женам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.